

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. О. А. Туфанова
г. Москва, Россия

ЗАГАДКА ПСКОВСКОЙ ЛЕТОПИСНОЙ ПОВЕСТИ «О БЕДАХ И СКОРБЕХ...»: ПРЕДИСЛОВИЕ И ТЕКСТ

Аннотация: Псковская летописная повесть «О бедах и скорбех и напастех» (1625) таит немало художественных загадок. Одна из них — соотношение предисловия и основного текста памятника, в котором лаконично освещаются главные события Смуты. На первый взгляд именно в предисловии задаются основные библейско-литературные «координаты»: Иерусалимское пленение, ориентация на корпус библейских книг, мотив греховности, — которые можно было бы рассматривать в качестве «нарративного ключа» к авторской интерпретации излагаемых событий по аналогии с другими памятниками Смуты. Однако сопоставление текста повести с «Историей Иудейской войны» и «Иудейскими древностями» Иосифа Флавия, Первой и Второй книгой Маккавейской не выявило сходных стилистических приемов и композиционных схем. Единственное обнаруженное сходство — это перекликающаяся эмоциональная формула выражения скорби. Исключение — последний эпизод, в котором захват поляками сердца Москвы уподобляется пленению Иерусалима, при этом автор компилирует и варьирует мотивы, относящиеся к разным периодам истории Иерусалима. Таким образом, предисловие и текст, формально объединенные в один памятник и внешне посвященные одной теме, в действительности не имеют внутренних связей и, вполне вероятно, принадлежат перу разных авторов. Задаваемые в предисловии «координаты» не получают развития в тексте повести. Благодаря им, скорее всего, реализуется традиционный для средневековой историографии принцип вписывания любого события русской истории в контекст мировой. И вместе с тем реализация этой традиции носит формальный, поверхностно архаичный характер, поскольку в других памятниках эпохи Смуты библейские темы, сюжеты и образы получают глубокую проработку на новом историческом материале.

Ключевые слова: псковская летописная повесть, Смута, захват Москвы, Иерусалимское пленение, нарративный ключ.

Информация об авторе: Ольга Александровна Туфанова — кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: tufoa@mail.ru

Дата поступления статьи: 15.09.2017

Дата публикации: 15.03.2018

Одним из интересных в художественном плане памятников цикла сочинений о Смутном времени является псковская летописная повесть «О бедах и скорбех и напастех», созданная после 1625 г.

В отечественной историографии она получила негативную оценку. Так, С. М. Соловьев утверждал, что сказание «составлялось по стоустой молве народной» [10, т. 9, гл. 5, с. 349]. Его точку зрения поддержал С. Ф. Платонов, писавший, что автор повести «внес в свое повествование много басен, примером которых может служить его рассказ о свержении Шуйского» [7, с. 500].

Иная оценка содержится в работе «“Смутное время” в изображении литературных памятников 1612–1630 гг.»: признавая правоту С. М. Соловьева, В. П. Адрианова-Перетц отмечала, что произведение «довольно искусно по форме и языку» [1, с. 70]. Его автор «отступает от традиционной точки зрения, чрезвычайно обобщавшей и абстрагировавшей причины божьего гнева общему греховностию людей. По существу автор считает греховной лишь одну часть русского общества — “бессловесных зверей” — бояр, “сильных градодержателей”, “нарочитых людей”» [1, с. 70]. Аналогичным образом оценивал сказание и М. Н. Тихомиров [11, с. 48].

Прямо противоположное мнение о повести высказал исследователь Г. В. Петров, полагавший, что «в повести о бедах и скорбях патриотизм псковичей, не теряя своего гражданского пафоса, поднимается на общерусскую высоту. Это плач по разоренной России» [6, с. 15].

Среди этих исследовательских работ, посвященных в первую очередь оценке достоверности излагаемых в повести событий и освещению главной идеи, выделяется работа А. С. Демина «Русские старопечатные предисловия и послесловия начала XVII в. (“великая слабость” в Смутное время)», в которой кратко характеризуются собственно поэтические особенности произведения. По мнению исследователя, «Адресаты предисловия в повести “О бедах и скорбех” также мыслились переживающими и ужасающимися одинаково с автором» [2, с. 203].

В целом, краткий обзор научной литературы, посвященной повести «О бедах и скорбех...», показывает, что она практически не изучена с точки зрения особенностей поэтики. А между тем это небольшое по объему произведение таит в себе немало загадок.

Одна из них была обозначена А. С. Деминым: «Предисловие и повесть различаются по тону» [2, с. 191]. Действительно, в памятнике отчетливо выделяются пространное предисловие и собственно повесть, в которой лаконично освещаются знаковые события Смуты. И на первый взгляд именно в предисловии задаются основные библейско-литературные координаты, с ориентацией на которые автор повести и будет рассказывать далее, «како и откуду начашася сия злая быти» [9, с. 55] в Великой России.

Первая «координата» — Иерусалимское пленение: «Якоже сотворися древле на Востоцѣ, и во Иерусалимстѣй странѣ, и во Александрии, и во Антиохии, потомъ же и въ царствующемъ велицѣмъ градѣ Констянтинѣ, запусѣніе и плѣненіе градовомъ и всѣмъ сущимъ ту живущимъ <...> подобно же сему и здѣ сотворися, въ нынѣшня времена, въ Русѣй земли» [9, с. 56]. Это пространное историческое сравнение следует сразу же за не менее пространным названием; далее на протяжении почти всех эпизодов, из которых и состоит повесть, автор ни разу не вспоминает об этом сопоставлении и обращается к нему вновь только в последнем эпизоде, повествующем о пленении Москвы, но несколько в ином ключе: «...но Богу тако изволившу, якоже древле Иерусалиму и Царюграду кровію очиститися отъ грехъ» [9, с. 60–61]; «И сбытсѣся на царствующемъ градѣ Москвѣ якоже и на Иерусалимѣ, иже плѣненъ бысть въ самый праздникъ Пасхи Антиохомъ; такоже и сему бысть» [9, с. 61]. В конце эпизода, который одновременно является и концовкой повести, автор еще раз, уже назидательно, обращается к данному

сравнению: «Зрите, братіе, по всему подобно разореніе Московского государства и всея Рускія земля Іерусалимскому плѣненію отъ Антиоха, еже бѣ во опрѣсночный праздникъ, сіирѣчь Пасхи...» [9, с. 62]. Таким образом, повесть начинается и завершается на первый взгляд одинаковым сравнением, косвенно отсылающим читателей к возможным источникам сведений о пленении/падении Иерусалима — «Истории Иудейской войны» и «Иудейским древностям» Иосифа Флавия.

Однако сопоставление текста псковской повести с «Историей...» и «Иудейскими древностями» не выявило сходных стилистических приемов и композиционных схем. Единственное обнаруженное сходство — это перекликающаяся эмоциональная формула выражения скорби «О горе, горе, увы, увы!» с предсказаниями в «Истории...» Иисуса, сына Анана, кричавшим «жалостным» гласом: «Люте, люте Іерусалиму!», «Увы, увы граду и людемъ и цркви!», «Увы, увы мнѣ!» (цит. по: [3]). Вместе с тем интонационное и тематическое сходство (но не тождество!) не позволяет говорить о ее прямом заимствовании, поскольку эта формула в том или ином виде встречается и в Библии («Горе тебе, Іерусалим!» — Книга пророка Іеремии 13: 27; «Горе, горе тебе, великий город» — Откровение святого Іоанна Богослова 18: 16), и в фольклоре (например, в песнях: «О горе, горе! // То невѣстино! // О горе, горе! // Ты невѣстушка, // О горе, горе! // Ты ластушка!»¹), и во многих древнерусских памятниках (например, в «Слове о исходе души и страшном суде» свт. Кирилла Александрийского неоднократно повторяется формула «О, гóре, гóре!», «Увы, увы!»²), особенно часто в цикле произведений первой трети XVII в. о Смутном времени (например, «Ох, ох, увы, увы! Горе, горе лютѣ-лютѣ!» [5, с. 50] — в Новой повести о преславном Российском царстве, «Охъ, увы! горе!», «горе, горе! увы! увы! ох, ох!» [8, с. 142] — в «Плаче о пленении и конечном разорении Московского государства» и т. д.).

Общих мотивов в повести «О бедах и скорбех и напастех» и в «Истории Иудейской войны» и в «Иудейских древностях» практически не выявлено, кроме последнего эпизода, где прослеживается тематическое сходство. Захват поляками сердца Москвы — «градъ Китай и Кремль» [9, с. 61] — уподобляется пленению Иерусалима. При этом автор компилирует и варьирует мотивы, относящиеся к разным периодам истории Иерусалима, — пленению города правителем Селевкидской державы Антиохом IV Епифаном (175–163 гг. до н.э.) и осквернению им Храма 25 декабря 167 г. до н. э. (он приказал установить греческий алтарь Зевса на месте жертвенника и заклать на нем свинью) и уничтожению города римлянами в 70 г. н. э. Именно в такой причудливой комбинации и обнаруживаются сходные идейно-тематические моменты.

Время захвата/пленения/падения городов наделяется авторами особой значимостью. Так, в псковской повести, согласно тексту, пленение Москвы приходится на Цветоносную и Страстную неделю, на главный христианский праздник Пасху, время особого душевного напряжения и радости: «Пришедши же великой Цвѣтоносной недѣли <...> умыслиша же Полстіи людіе въ той день посѣщи всѣхъ во градъ собравшагося народа» [9, с. 61]; «Наутрія же самыя Христовы страсти <...> Полстіи людіе, начаша сѣщи безъ милости...» [8, с. 61]. Завершая рассказ о поведении поляков в Москве, автор пишет: «И сбьсться на царствующемъ градѣ Москвѣ якоже и на Іерусалимѣ, иже плѣнень бысть въ самый праздник Пасхи Антиохомъ» [9, с. 61]. Ни в «Истории Иудейской войны», ни в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия, ни в Первой, ни во Второй книге Маккавейской не говорится о пленении Иерусалима в Пасху.

¹ Цит. по: <http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/p10/p1040564.htm?cmd=2> (дата обращения: 09.08.2017).

² Цит. по: http://tvorenia.russportal.ru/index.php?id=saeculum.v.k_02_0031 (дата обращения: 09.08.2017).

Однако в «Истории Иудейской войны» есть фрагмент о знамениях перед гибелью Иерусалима в 70 г. н. э.:

Ни разумѣша, егда ста звѣзда над градомъ, подобна копию, и пребы лѣто все, ейже имя комитисъ наречемаа, вся власятая. И паки, прежде заротѣния съвокупляющимся людемъ къ *опресночному празднику*, въ 8 день мѣсяца ксанфика, иже есть апрель, въ девятый час нощи, толикъ свѣтъ въсия на жртвеницѣ и на цркви, яко мнѣти дни быти свѣтлу, и продлжися до получаса. <...> *В той же праздникъ* корова нѣкимъ приведена бысть на заклание, и посреди цркви стоящи роди агньца. <...> *По малѣ же днень от праздника*, въ 21 день мѣсяца артемисия, иже есть май, видѣние нѣкое дѣмонское явися паче вѣры. <...> Преже бо слънечнаго захождения явишася по аеру и по небу по всей иудѣйстей земли колесници и полци съ оружиемъ, скачюще сквозѣ облакы и обступающе грады. *Въ праздникъ же нареченный Пянтикостий*, нощию иерѣи влѣзше въ внутренюю црковь по обычаю на службу, прѣвое очютиша подвизание и громъ, потом же и глас внезапу слышаша глаголющъ: “Отступимъ отсюда”. Иже страшнѣйши сих» [3].

Вот здесь-то, видимо, и кроются истоки нарочитого повтора в псковской повести: «Пришедши же великой Цвѣтоносной недѣли... Пришедшимъ же душеспасительнымъ днемъ, въ онъ же Христось Богъ возлеже на вечери, и умы нозѣ ученикомъ своимъ, и вдасть имъ тѣла своего божественныхъ таинъ Новаго завѣта, въ самый великй четвертокъ... Наутрѣя же самыя Христовы страсти... къ свѣтлому великому празднику пасхи Воскресенія Христова... и сице творяху всю святую недѣлю... еже бѣ во опрѣсночный праздникъ... [9, с. 61–62].

Псковский автор явно путает события далекой древности: осквернение Храма в Иерусалиме Антиохом IV Епифаном пришлось не на Пасху, а на Рождество, а знамения, связанные по времени с Пасхой, о которых пишет Иосиф Флавий, предшествуют началу войны, приведшей к разрушению Иерусалима в 70 г. н. э. Вероятнее всего, автор псковской повести перепутал имена агрессоров и вместо императора Тита вписал несколько раз имя Антиоха. Вместе с тем вполне вероятно и иное объяснение: действия интервентов во время Смуты, по свидетельству современников, описывавших трагические события начала XVII в., имели целью не только обогащение и захват территории, но и искоренение православной веры. В этом смысле становится понятно, почему автор псковской повести обращается именно к Антиоху IV Епифану, который притеснял иудеев и насаждал эллинизм. Во Второй книге Маккавейской говорится: «Спустя немного времени царь послал одного старца, Афинянина, принуждать Иудеев отступить от законов отеческих и не жить по законам Божиим» (6: 1), «Нельзя было ни хранить субботы, ни соблюдать отеческих праздников, ни даже называться Иудеем» (6: 6). Аналогичным образом поступают и «Полстїи людіе» в Москве, создавая условия, при которых невозможно было осуществить обрядовые действия, подготовиться к главному христианскому празднику. Так, патриарх, узнавший, что «поганїи» хотят «поѣщи всѣхъ», отменил «святителское шествіе на ослати» [9, с. 61]. Пришедших на площадь за покупками к Пасхе людей поляки секут без милости. Настоячивое же повторение того, что события прились на время наивысшего смирения и светлой радости для христиан, становится ярким художественным приемом, подчеркивающим, с одной стороны, контраст должного (правильного) и реального, поведения своих и чужих, а с другой стороны, размах трагедии в Москве и жестокость мести Бога за предательство своего царя:

«Зрите же, братіе, отъ Бога скорога отмщенія челоуѣкомъ, своего царя возненавидѣша и крестное цѣлованіе и обѣщаніе къ нему преступивше, какому мечь воспріяша?» [9, с. 61]. Причудливое сочетание мотивов, восходящих к разным источникам и разным периодам, позволяет автору показать разные грани «скорбей, и бедствий, и напастей» Москвы и одновременно наводит на мысль о том, что предисловие и повесть были написаны разными авторами.

Таким образом, указанная в самом начале предисловия «координата» не является «ключом» ко всему тексту повести, а оказывается востребованной в художественном плане только в последнем эпизоде. Обнаруженные сходства не позволяют говорить об «Истории иудейской войны» как о полноценном «нарративном ключе» к пониманию содержания повести или как об источнике нарративной модели хотя бы для последнего эпизода в силу того, что приводимые автором сведения о падении Иерусалима были широко известны и могли быть почерпнуты из других источников, стилистических же заимствований выявить не удалось. В то же время предисловие и повесть, состоящая из ряда относительно самостоятельных эпизодов, описывающих кратко конкретные события Смуты, и концовка явно отличаются друг от друга по стилю и «по тону», в чем нельзя не согласиться с А. С. Деминым. Осмелимся предположить, что изначально текст повести, более простой по стилю, имеющий единый нарративный ключ к прочтению, не имел предисловия и концовки, представляющих собой прямое уподобление «запустения» и «пленения» Русской земли, и в частности Москвы, и написанных, скорее всего, позже текста повести другим книжником, более начитанным, нежели автор основного текста. Следовательно, заданная в предисловии «координата» в действительности не является ключом к пониманию авторской интерпретации событий Смуты и дает лишь представление о трагедии Москвы в последнем эпизоде, позволяя автору (или соавтору, редактору) вписать событие русской истории в контекст мировой, что соответствует древнерусской историографической традиции.

В предисловии задается и вторая «координата» — ориентация на корпус библейских книг: «якоже великій пророкъ Іеремія плакася о Іудейстѣй земли, такоже и въ Руси <...> И сбытся по великому апостолу и евангелисту Ивану Богослову <...> иніи же каменіемъ отъ небеси якоже Содомъ побіени быша...» [9, с. 56].

В первом и втором эпизодах, повествующих о воцарении Бориса Годунова и Лжедмитрия I, соответственно, библейские образы и сюжеты не упоминаются. В третьем эпизоде, рассказывающем о смерти Лжедмитрия I и воцарении Василия Шуйского, используется историческое сравнение: «воздвиже на него (Отрепьева. — *О. Т.*) отъ благочестивыхъ князей Рускихъ Шуйского князя Василія и прочихъ съ нимъ, поборающихъ по благочестіи, якоже древле въ Грецѣхъ на Уліяна законопреступнаго великого царя Феодосія» [9, с. 57].

В четвертом эпизоде, посвященном теме избавления Москвы от нашествия «Полскихъ и Литовскихъ людей» и смерти М. В. Скопина-Шуйского, появляется первое в основном тексте сравнение с библейскими персонажами: «...его (Скопина-Шуйского. — *О. Т.*), его славъ и чести и храбрѣству и мужеству, яко Сауль Давыду пастырю сущу, и уби Голияѳа, и пояху Саулу дѣвицы, въ тысящахъ побѣду, а Давыду во тмахъ» [9, с. 58]. В пятом и шестом эпизодах — о свержении В. Шуйского и оккупации страны и пленении и последующем освобождении Москвы вторым ополчением — библейские образы и сюжеты снова не упоминаются. В шестом эпизоде используется историческое сравнение, о котором речь шла выше.

Таким образом, вторая «координата» тоже не является «нарративным ключом» к основному тексту повести. Нет повторов библейских образов, не выявлено и мотивных и стилистических совпадений с текстами Священного Писания. То есть и в этом случае мы вынуждены констатировать, что текст повести и предисловие существуют отдельно, не имея внутренних связей, и, вполне вероятно, их следует рассматривать как самостоятельные свидетельства и интерпретации событий Смуты. Вместе с тем нельзя не учитывать тот факт, что, «говоря о событиях истории, древнерусский книжник никогда не забывает о движении истории в ее мировых масштабах. Либо повесть начинается с упоминания о главных мировых событиях (Сотворении мира, Всемирном потопе, Вавилонском столпотворении и воплощении Христа), либо повесть непосредственно включается в мировую историю: в какой-нибудь из больших сводов по всемирной истории» [4, с. 10–11]. Но в цикле сочинений о Смутном времени наблюдается иной принцип вплетения событий русской истории в контекст мировой, чаще всего книжники, употребляя тот или другой библейский образ, вспоминая какой-либо библейский сюжет, реализовывали его на новом материале. Здесь же упомянутые в предисловии библейские образы и сюжеты не только не реализуются внутри основного текста повести, но отсутствуют даже формальные повторы.

Характеризуя особенности древнерусской словесности XI–XVII вв., Д. С. Лихачев в книге «Великое наследие» писал: «Литература обладала всеохватывающим внутренним единством, единством темы и единством взгляда на мир» [4, с. 8–9]. В цикле произведений о Смутном времени, несмотря на противоречивые оценки событий 1598–1613 гг., наблюдается именно такое единство. Все памятники этого периода и частично последующих 10–15 лет освещают события Смуты, и во всех них обнаруживается традиционный для древнерусской литературы мотив Божьего наказания за грехи, по-разному реализуемый в памятниках, — от абстрактного обобщенного объяснения до конкретизации причин происходящего [13]. Не является исключением в этом смысле и предисловие, и текст псковской повести. Так, в предисловии читаем о том, что «въ Рустѣй земли» [9, с. 56], как и в древности, «запустѣніе и плѣненіе градовомъ» [9, с. 56]. Автор предисловия твердо убежден: «...гдѣ что бысть отъ Бога за грѣхи ихъ, якоже и у насъ быша...» [9, с. 56]. Аналогичным образом объясняются события и в эпизодах повести.

В первом эпизоде: «И грѣхъ ради нашихъ поядаетъ волкъ Христова непорочная овчата единого по единому, царей тѣхъ...» [9, с. 56–57].

Во втором эпизоде: «Приде бо съ поганою Литвою на Русь воцарися же и той злый змій грѣхъ ради нашихъ...» [9, с. 57].

В пятом эпизоде: «Царь же Василей посла своего брата князя Димитрія и иныхъ многихъ съ ратию, и срѣтошася Литва съ Русью, и грѣхъ ради нашихъ побіени быша Рустіи полцы... <...> Нѣмцы <...> за грѣхи наша, засѣдоша Великій Новградъ...» [9, с. 59], «Се же все бысть грѣхъ ради нашихъ» [9, с. 59].

В шестом эпизоде, во фрагменте, повествующем о том, что нижегородская рать подошла к Москве только «въ третій день по разореніи», но сделать ничего не могла, ибо «грѣхъ ради нашихъ не быше въ нихъ миру» [9, с. 61].

В третьем и четвертом эпизодах в таком обобщенном виде мотив греховности не используется. Вплетенный в контекст, он носит характер точечного объяснения конкретного события и тоже не является ключом к пониманию авторской интерпретации событий Смуты в повести.

Вполне вероятно, что в указанные выше фрагменты он был включен позднее основного текста, поскольку внутри эпизодов автор «не работает» с этим мотивом, а выстраивает повествование в границах иных мотивов, которые отличаются от мотивов, имеющих в предисловии.

Итак, предисловие и текст псковской летописной повести «О бедах, и скорбех, и напастех...», формально объединенные в один текст и внешне написанные на одну тему, в действительности не имеют внутренних связей, о чем свидетельствует отсутствие общих мотивов и образов. Задаваемые в предисловии «координаты», которые можно было бы рассматривать, по аналогии с другими памятниками Смуты, как «ключи» к авторской интерпретации событий начала XVII в. [12] в основном тексте повести, в действительности таковыми «ключами» не являются. Благодаря им в летописной повести, скорее всего, реализуется традиционный для русской средневековой историографии принцип вписывания любого события русской истории в контекст мировой. И вместе с тем реализация этой традиции носит формальный, поверхностно архаичный характер, поскольку в других памятниках эпохи Смуты библейские темы, сюжеты и образы получают глубокую проработку на новом историческом материале. В повести же «О бедах, и скорбех, и напастех...» на первый план выходит совершенно нетрадиционный даже для памятников, посвященных событиям Смуты, мотив мести Бога. Но это уже тема отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Адрианова-Перетц В. П.* «Смутное время» в изображении литературных памятников 1612–1630 гг. // История русской литературы. М.; Л.: АН СССР, 1948. Т. 2. Ч. 2: Литература 1590–1690 гг. / под ред. А. С. Орлова, В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия. С. 45–77.
- 2 *Демин А. С.* Русские старопечатные предисловия и послесловия начала XVII в. («великая слабость» в Смутное время) // Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М.: Наука, 1981. С. 188–203.
- 3 Из «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1999. Т. 2: XI–XII века. 555 с. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=2173> (дата обращения: 12.07.2017).
- 4 *Лихачев Д. С.* Великое наследие: классические произведения литературы Древней Руси. М.: Современник, 1979. 412 с.
- 5 Новая повесть о преславном Российском царстве // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков / вступ. ст. Д. Лихачева; сост. и общая ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачева. М.: Худож. лит., 1987. С. 24–57.
- 6 *Петров Г. В.* Патриотические мотивы в памятниках древнепсковской культуры // Псков. 2003. № 18. С. 14–19.
- 7 *Платонов С. Ф.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Наука, 2010. Т. 1 / сост. В. В. Морозов, А. В. Смирнов. 597 с.
- 8 Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков / вступ. ст. Д. Лихачева; сост. и общая ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачева. М.: Худож. лит., 1987. С. 130–145.
- 9 Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Э. Праца, 1851. Т. VI: Псковские и Софийские летописи. 275 с.

- 10 Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 15 кн. М.: Изд-во социально-экономической лит., 1961. Кн. V, т. 9–10. 754 с.
- 11 Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М.: Наука, 1969. 449 с.
- 12 Туфанова О. А. Библейские сюжеты и образы в литературе Смутного времени // Библейские сюжеты в древнерусской литературе. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 129–181.
- 13 Яковлев А. И. «Безумное молчание» (Причины Смуты по взглядам русских современников ее) // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. Ч. 2. С. 651–678.

© 2018. Olga A. Tufanova
Moscow, Russia

ON THE RIDDLE OF PSKOV CHRONICLES “TALE OF WOES AND MISFORTUNES...”: FOREWORD AND TEXT

Abstract: Pskov chronicles “Tale of woes and miseries” (1625) delivers quite a number of artistic riddles. Correlation of the foreword and the body of the text, concisely covering the main events of Time of troubles — is one of them. At first sight it is exactly the foreword that sets main biblical literary “coordinates”: Jerusalem captivity, body of Bible books, motif of sinfulness, — open to identifying as a “narrative key” to the authors’ interpretation of the described events by analogy with other monuments of Time of troubles. However the comparison of the Tale’s text with the “History of the Jewish war” and “Jewish antiquities” by Josephus Flavius, I and II Maccabees — detected no similar stylistic devices and compositional scheme. One similarity identified — is a consonant emotional formula of the grief expression. With the exception of the last episode — the seizure of the heart of Moscow by Poles likened to Jerusalem captivity. That said the author compiles and varies motives, referring different historical periods of Jerusalem. Thus, foreword and text, technically united in one monument and extrinsically dedicated to the same subject, in reality have no inner connections and, it may well be, are issued from the different authors’ pens. “Coordinates” set up in the foreword do not get any further in the tale’s text. They are, most likely, the reasons for manifestation of traditional medieval historiographical principle of framing of any Russian history event into the world historical context. At the same time realization of this tradition is of technical, superficially archaic nature, whereas in others monuments of the Times of troubles themes, plots and images are elaborated basing on a new historical material.

Keywords: Pskov chronicles, Time of troubles, seizure of Moscow, Jerusalem captivity, narrative key.

Information about author: Olga A. Tufanova — PhD in Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: tufoa@mail.ru

Received: September 15, 2017

Date of publication: March 15, 2018

REFERENCES

- 1 Adrianova-Peretts V. P. "Smutnoe vremia" v izobrazhenii literaturnykh pamiatnikov 1612–1630gg. [Time of troubles as portrayed in literary monuments]. *Istoriia russkoi literatury* [History of Russian literature]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1948. Vol. 2, part 2: Literatura 1590–1690 gg. [Literature of 1590–1690], ed. A. S. Orlova, V. P. Adrianovoi-Peretts i N. K. Gudziia, pp. 45–77. (In Russian)
- 2 Demin A. S. Russkie staropechatnye predisloviia i poslesloviia nachala XVII v. ("velikaia slabost" v Smutnoe vremia) [Russian early printed forewords and afterwords of the beginning of the XVII c. ("great weakness" in the Times of troubles)]. *Tematika i stilistika predislovii i posleslovii* [Themes and stylistics of the foreword and afterword]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 188–203. (In Russian)
- 3 Iz "Istorii Iudeiskoi voiny" Iosifa Flaviiia [Excerpts from the History of Jewish war by Josephus Flavius]. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of the Ancient Rus'], RAN. IRLI; ed. D. S. Likhacheva, L. A. Dmitrieva, A. A. Alekseeva, N. V. Ponyrko. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. Vol. 2: XI–XII veka. 555 p. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2173> (accessed 12 July 2017). (In Russian)
- 4 Likhachev D. S. *Velikoe nasledie: klassicheskie proizvedeniia literatury Drevnei Rusi* [Great legacy: classic literary works of the Ancient Rus']. Moscow, Sovremennik Publ., 1979. 412 p. (In Russian)
- 5 Novaia povest' o preslavnom Rossiiskom tsarstve [New tale of the most glorious Russian kingdom]. *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi: Konets XVI – nachalo XVII vekov* [Literary monuments of the Ancient Rus': the end of the XVI – beginning of the XVII cc.], vstup. st. D. Likhacheva; under the general editorship of L. Dmitrieva i D. Likhacheva. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1987, pp. 24–57. (In Russian)
- 6 Petrov G. V. Patrioticheskie motivy v pamiatnikakh drevnepskovskoi kul'tury [Patriotic motives in monuments of the ancient Pskov culture]. *Pskov* [Pskov], 2003, no 18, pp. 14–19. (In Russian)
- 7 Platonov S. F. *Sobr. soch.: v 6 t.* [Collected works]. Moscow, Nauka Publ., 2010. Vol. 1, comp. V. V. Morozov, A. V. Smirnov. 597 p. (In Russian)
- 8 Plach o plenenii i o konechnom razorenii Moskovskogo gosudarstva [Lament for captivity and eventual devastation of Muscovite state]. *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi: Konets XVI – nachalo XVII vekov* [Literary monuments of the Ancient Rus': the end of the XVI – beginning of the XVIIcc.], vstup. st. D. Likhacheva; under the general editorship of L. Dmitrieva and D. Likhacheva. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1987, pp. 130–145. (In Russian)
- 9 *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete edition of Russian chronicles]. St. Petersburg, Tip. E. Pratsa Publ., 1851. Vol. VI: Pskovskie i Sofiiskie letopisi [Pskov and Sofia chronicles]. 275 p. (In Russian)
- 10 Solov'ev S. M. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen: v 15 kn.* [History of Russia from the ancient times]. Moscow, Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoi lit. Publ., 1961. Book V, vol. 9–10. 754 p. (In Russian)
- 11 Tikhomirov M. N. *Klassovaia bor'ba v Rossii XVII v.* [Class struggle in Russia of XVII c.]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 449 p. (In Russian)
- 12 Tufanova O. A. Bibleiskie siuzhety i obrazy v literature Smutnogo vremeni [Biblical plots and images in the literature of Time of troubles]. *Bibleiskie siuzhety v drevnerusskoi literatury* [Biblical plots in Old Russian literature]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2014, pp. 129–181. (In Russian)

- 13 Iakovlev A. I. “Bezumnoe molchanie” (Prichiny Smuty po vzgliadam russkikh sovremennikov ee) [Insane silence (Causes of Time of troubles in the eyes of contemporaries)]. *Sbornik statei, posviashchennykh V. O. Kliuchevskomu* [Collection of articles dedicated to V. O. Kluchevsky]. Moscow, 1909, part 2, pp. 651–678. (In Russian)